12 1990

1 3 1

ТУ-19-241-82

8

1

студия
ДИАФИЛЬМ

07—3—651

РГДБ
2015
В АФИНАХ
V ВЕКА
ДО НАШЕЙ ЭРЫ
Диафильм по истории для VI класса

Какие страшные времена! Греки убивают греков! Тому причиной соперничество Спарты и Афин из-за главенства над Элладой. Льется кровь, горят селения и оливковые рощи... Но даже в дни войны не замирает жизнь. Убедимся в этом, заглянув в Афины...

Зовут меня Ко́ттал. Что я тут делаю на черепичной крыше! Надоело в школу ходить. С утра до вечера одно и то же... А чуть что не так, учитель хлещет плеткой из бычьего хвоста!

Постойте-ка, что за чужак забрел на нашу улочку Горшечников! В корзине у него, клянусь богами, бойцовый петух. Ну достанется обоим от собак! «Бей этих тварей, незнакомец! Я же угощу их черепицей!»

Путник благодарно помахал рукой: «Скажи, голубчик, где дом торговца Симона!» Ага, теперь понятно: он ищет отца моего школьного дружка, да, видно, заблудился.

Ответить я не успел... «Вот ты где, обезьяна! Слезай, бездельник, ведь крыша под тобой хрустит, как сладкое печенье! —Это матушка моя, вы не ошиблись, она в сильнейшем гневе. —Слезай сейчас же, сама доставлю тебя к учителю Лампри́ску!»

Входим в школу и слышим скрипучий голос учителя, диктующего текст: «Невежда—самое дикое из существ на земле». Эти слова мальчики выводят на дощечках, натертых воском.

А вот и мой дружок Маро́н, сын торговца Симона. Он должен отгадать, какую сцену изображает рельеф из обожженной глины. Толком и я не знаю, но на всякий случай шепчу: «Это вроде бы... Геракл!»

Тут мать разворачивает меня лицом к учителю: «Почтеннейший Ламприск! Нет сладу с моим Котталом, учиться перестал, знается со всяким сбродом... с беглыми рабами! Разоряет меня игрой в бабки! Прошу тебя, задай ему такую порку, чтобы он и думать забыл о проказах!»

Лamприск прервал урок и кликнул старших учеников. Один взвалил меня себе на спину, другой, став на колени, держит за ноги. А третий бьет без устали...

Кожа моя стала пестрее змеиной. Задыхаясь от слез и боли, кричу матери: «Ухожу! Совсем ухожу! И не ищи меня, все равно домой не вернусь!»

Слезы высохли быстро, но обида сидела как заноза... Ноги принесли меня на Акрополь. Когда-то толпы эллинов любовались храмом Афины и статуей богини. Теперь же из-за долгой войны со Спартой приезжих мало.

В портике Парфенона я увидел самого стратега — главу нашего государства. Власть его огромна. Но стратега любят не все, судите сами: недавно мы одержали важную победу. Войсками командовали трое, а слава досталась... ему одному.

Подойдя ближе, я услышал рокочущий голос: «Афины возглавят всю Элладу и установят владычество на всех морях! План разгрома Спарты тут, в моей голове! А эти росписи,— стратег показал спутникам на стены и потолок,— обновим как только кончим войну!»

Кто-то тронул меня за плечо: «Ищу тебя повсюду. Пойдем к нам, поешь, переночуешь... Ты знаешь, у отца гость, такой веселый, пишет стихи—поэт. Он сочинил комедию... о ком бы ты думал!»—Марон украдкой показал на удалявшегося стратега.

По пути домой мы увидали, как удиравший от погони вор вцепился в герму (священный столб). Растерянно застыли стражи, но не бродячие собаки: эти знай лают на всех подряд... «Поэта тоже едва не разорвали, уж не ты ли ему помог!» — спросил Марон.

В столовой дома мы застали спор. «Тоже мне стратег! Хвастун самовлюбленный!»—горячился гость (да, это был тот, кого я углядел, сидя на крыше). «Мой дорогой поэт, не играй с огнем!—увещевал отец Марона.—Стратег неистов в мщении: недаром ни один актер не согласился изображать его в твоей комедии!»

«Не беда: я сам исполню роль стратега! Ну как, похож!» — правой рукой поэт поднес к лицу раскрашенную маску, а левой неистово замахал, словно держал речь в Народном собрании.

Мы покатились со смеху. «А вот и наши юные друзья,— поэт заметил нас,— эти если чего и боятся, так только ремней Ламприска! Но завтра праздник, занятий нет! Пойдем-ка вместе на Агору. Будут петушиные бои, а это значит — я загребу там кучу денег!»

И правда, он взял нас с собой. Марону доверил даже нести корзину с настоящим родосским петухом.

В рядах, где продают вино и масло, я потерялся. Стоял галдеж: вновь резко подскочили цены. Всему виной война! Спартанцы вырубили и оливы, и лозы винограда. Все в убытке — в барыше одни торговцы оружием!

Разыскивая поэта и Марона, я налетел на ящик с уснувшей рыбой. Ее владелец, плутоватый рыбак подмигнул мне: «Держи обол! Изобрази тяжелый обморок, как будто перегрелся на солнце. А станешь падать — так ближе к рыбе!»

Я стал вращать глазами, взвыл, словно от боли, и с хрипом повалился наземь. «Ай-ай, он умирает!!!» — запричитал рыбак и поднял огромный кувшин с водой...

Он окатил на совесть меня, и всех соседей, и собственную рыбу. Да так, что она вновь зашевелилась, заплескалась и приняла товарный вид.

Откуда ни возьмись — смотритель рынка с писцом и скифом-полицейским: «Тухлятину сбываешь с рук!! Ведь знаешь, что рыбу поливать водой запрещено!! Штраф 10 драхм!» — «Причем тут рыба!.. штраф! — с укоризной ответил плут. — Все видели, ведь я спасал ребенка!»

Пройдоха своего добился. Смотритель зашагал прочь, а вдогонку неслось: «Рыба! Самая свежая рыба! Прямо из моря!» ...Поэт, как оказалось, все видел: «Да ты актер! Слегка переиграл, конечно: могли разоблачить! Ну, а теперь вперед, на петушиные бои!»

Вокруг стола с высокими бортами сгрудились болельщики и игроки. Большущий черный петух поблескивал шпорами с бронзовыми наконечниками. «Спорю на 20 драхм,—бросил вызов его хозяину поэт,—мой рыжий петушок побьет твоего великана!»

Вызов был принят незамедлительно. Черный петух, взъерошив перья, ринулся на противника. Вверх и в стороны полетел, взметнулся пух. Зазвенели бронзовые шпоры...

Скоро стало ясно, что черный великан устал. Рыжий превосходил его подвижностью и яростью. «Перерыв! — закричали болельщики. — Удары слишком слабы!»

Во время перерыва нас с Мароном оттеснили, и тут... нет, мне не почудилось... хозяин черного петуха ловко подменил его другим, точно таким же великаном.

Поединок возобновился. На этот раз черный был сильнее (еще бы — он только-только начал бой)... Пронзенный шпорой, рыжий пал мертвым! Поэт, подмены не заметив, страшно огорчился и отдал деньги.

Обман был наглым. «Потребуй свои деньги назад!» — уговаривали мы поэта. «Нет, поздно, меня поднимут на смех. Быть мне впредь умнее! Ведь знал, что петухи этих мошенников похожи друг на друга, как две капли воды... Пойдем отсюда!»

Получасом позже мы вышли к правительственным зданиям. Тут повстречался нам отряд. Видно, спешил в Пирей, усилить охрану гаваней. Поэт скривился: *«Сколько лет уж мучат нас все походы да походы!..* Это строка из моей комедии, завтра ее увидят все!

Запомните, мальчики, здесь, на Агоре, в самом сердце Афин, многое хранит память о великих победах над персами. То была война за свободу! Ныне же кровавые распри губят Элладу — спасут нас только Мир и Тишина!.. Однако пора домой, выспимся перед спектаклем!»

На рассвете театр Диониса был уже полон. Ежась от холода (отец Марона нас поднял затемно), мы ждем начала... К мраморным креслам шествует стратег. Одни его приветствуют, другие ехидно улыбаются.

... И вот комедия началась. На орхестру под музыку выходит хор воинов – земледельцев: *«Сколько лет уж мучат нас все походы да походы, гонят нас туда – сюда, со щитом, с копьем в руке! Кто привержен так войне? Жаждет славы полководца? Уж не он ли?»*

Под хохот зрителей появляется стратег (его уморительно играет автор комедии—поэт). Пропойным басом подтверждает он слова хора: *«Не нужен мир нам—пусть и дальше идет война!»*

Боясь, чтобы стратег не передумал, торговцы оружием предлагают ему крупную взятку: *«Вот 5 талантов серебром, все в новеньких монетках... Да не проведает ни-и-икто о нашей сделке!»*

Что тут началось! На орхестру летят оливки, виноград и даже камни. Сторонники стратега свистят, орут, стучат сандалиями: «Ложь! Клевета!.. К суду поэта! Он издевается над должностным лицом! Поносит избранного демосом стратега! Глумится над Афинским государством!»

Встает, как всегда невозмутимый, стратег. Холодная улыбка. Привычный жест руки: «Афиняне! Комедия прекрасна. В ее героях не ищите сходства ни с кем из граждан. В театре дозволены и вымысел, и шутка! Недаром мы гордимся демократией. Актеры, продолжайте!»

Представление пошло своим чередом. Завершилось оно песней хора: *«Бросьте щит скорей, и дротик, и проклятое копье! Дышит воздух весь чудесной, плодоносной Тишиной!»*

В вечерних сумерках друзья обступили поэта, поздравляя с победой и наградой (его комедию признали лучшей). Вдруг победитель отшатнулся... Перед ним стоял стратег, нет, не с кинжалом, а всего лишь с букетом колючих роз.

Резким движением он поднес цветы к лицу поэта: «Прими и от меня награду. Наслаждайся, как наслаждался я твоей комедией! Ощущай иглы шипов вместе с благоуханием этих чудесных роз!»

Тут я увидел мать... Она плакала и причитала: «Горе ты мое! Где пропадал столько дней!»—«Мама, мама,—протягиваю к ней руки,—я хочу стать актером, играть, как и поэт, в афинском театре!»

ВОПРОСЫ К УЧАЩИМСЯ:

1. Почему глава государства—стратег терпел ядовитые и злые насмешки над собой?
2. Какие последствия имела бы попытка стратега запретить неугодное ему представление комедии?
3. Могла ли произойти рассказанная в диафильме история не в Афинах, а в других древних государствах, например, в Египте? (Ответ следует обосновать.)

К СВЕДЕНИЮ УЧИТЕЛЯ

Действие диафильма происходит во время Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.). Прообразом поэта является великий Аристофан, подвергший в своих комедиях резким нападкам главу Афинского государства—первого стратега Клеона, а также проводимую им агрессивную внешнюю политику.

Рекомендуем обратить внимание учащихся на содержащиеся в диафильме осуждение братоубийственной войны, показ демократических порядков в Афинах V в. до н. э., изображение школы и городских пейзажей (улочек, крытых черепицей домов, Агоры, Акрополя, театра Диониса).

КОНЕЦ

Диафильм создан по программе средней общеобразовательной школы

Автор кандидат педагогических наук
Г. ГОДЕР
Художник Б. ПАШКОВ
Художественный редактор В. КУЗЬМИН
Редактор В. ЧЕРНИНА

Д-113-90

103062, Москва, Старосадский пер., 7